

УДК 323.2

Растимешина Т.В.

*Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

T. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology

PUBLIC CONSERVATION OF CULTURAL HERITAGE AS A CONDITION FOR MAINTENANCE OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Аннотация. В статье рассматривается кризис культурной идентичности, вызванный глобализацией и усугубившийся социально-политическими трансформациями российского общества. В статье показана тесная диалектическая взаимосвязь общенационального, «локального» и личностного уровней культурной идентичности. Проанализировав основные подходы к ее решению, автор пришел к заключению, что проблема должна рассматриваться, прежде всего, в гуманистическом измерении. Анализ показал, что сохранение национального культурного наследия является одним из основных направлений решения проблемы культурной идентичности.

Ключевые слова: культурное наследие, культурная идентичность, глобализация, этнонационализм, мультикультурализм, локальная культура.

Abstract. The article focuses on the national identity crisis caused by globalization and aggravated by the social and political transformations taking place in Russia. It investigates the specific dialectical interdependence of national, local and individual levels of cultural identity and analyses the major approaches to the solution of the problem. The author comes to the conclusion that the humanistic dimension of the problem is of prior importance. The analysis confirms that the conservation of cultural heritage is one of the main steps towards the solution of the problem of cultural identity.

Key words: cultural heritage, cultural identity, globalization, ethnic nationalism, multiculturalism, local culture.

В рамках масштабной дискуссии о глобализации проблема социокультурной идентичности человека и общества рефлексировается учеными как одна из самых острых и злободневных. В самых общих чертах, ее можно обозначить так: глобализация строится на идеях открытости, космополитизма, стирания барьеров информационных, экономических, культурных коммуникаций, создавая тем самым угрозу социокультурной идентичности людей и их сообществ. *Социокультурная идентичность* – это совокупность представлений субъекта о себе и своем положении в обществе, а также связанных с этими представлениями чувств, оценок и намерений, которые формируются на основании отождествления себя с определенными культурными моделями и ролевыми функциями, с социальными институтами и отношениями. Проблема сохранения социокультурной идентичности существует и на уровне личности, и на уровне общества, и на уровне государства [10, 423]. Индивиды, этнические группы, нации, государства подвергаются «натиску» глобализации, пытаются «удержать» в потоке глобализации «самость», протранслировать «коды идентичности» следующим поколениям, параллельно примиряясь с неизбежной утратой некоторой их части.

В поисках теоретического решения этой проблемы интегрируются достижения социологии и культурологии, объединяются усилия ученых всего мира. Отказ от дисциплинарных границ позволяет отказаться от любого из линейных методов исследования, сегодня практически исчерпавших себя в контексте глобальных процессов. Кроме того, с каждым днем растет потребность в синтезе теоретических выводов с социальной и политической практикой.

В социально-политической практике сосуществование двух объективных тенденций: противопоставление культурных ценностей остальному миру (столкновение культур) или тотальная уни-

фикация, выражаются в конфликте между мультикультурализмом и этнонационализмом как противоположными подходами к решению проблемы национальной культурной идентичности. Для государства один из этих подходов может определять и общее направление, и содержание культурной политики, в том числе основные задачи, средства и методы сохранения национальной культурной идентичности в условиях глобализации.

Этнонационализм сегодня, по объективным причинам, потерял значительную часть своих сторонников и приверженцев во многих странах, поскольку даже политикам радикального толка представляется все менее вероятным сохранение этнокультурного своеобразия и самобытности каждой из сосуществующих элементов всемирной культурной мозаики, «перетасованной» процессом глобализации, все менее воплощаемой видится задача «консервации» наций в пространстве локальных культур.

Мультикультурализм, базирующийся на догмате культурного разнообразия как постоянного (сущностного) и ценного качества демократических политических сообществ, нацелен на поддержание единства этнически неоднородного глобального общества. Однако и мультикультурализм не стал универсальным ответом на вызовы глобализации для каждого из государств [6; 51]. Методология мультикультурализма в каждой конкретной ситуации является слишком обобщенной и идеалистичной, и она пока не стала универсальным рецептом сохранения идентичности в глобальных процессах. Более того, сегодня она теряет своих сторонников: от политики мультикультурализма отказываются и общества, и государства. Так, в новой модели политики Нидерландов «ценности голландского народа» выдвигаются в качестве неоспоримого приоритета [7, 3], поскольку государство разделяет «социальное недовольство, которое существует относительно мультикультурного общества» [7, 3]. Первые лица Нидерландов признали, что эта перемена – «шаг в сторону от мультикультурализма» [7, 3]. Об исчерпанности политик мультикультурализма в своих странах в 2010-2011 гг. заявляли президент Франции Николя Саркози, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон и канцлер Германии Ангела Меркель.

В настоящее время российское государство и социокультурная ячейка внутри него разрабатывает свои способы и свой ритм вхождения

в глобальные процессы, с учетом «проб и ошибок» этнонационализма и мультикультурализма и ориентируясь на задачу сохранения как общенационального, так и специфически локального культурного своеобразия.

Поиск вектора государственной политики сохранения культурной идентичности осложняется рядом проблем «переходного периода», которые связаны с процессами экономической и политической модернизации российского общества. К их числу, в частности, относятся:

- социальное расслоение российского общества на элиту – «хозяев жизни» и маргиналов;
- существование очагов потенциальных межэтнических и межконфессиональных конфликтов;
- несформированность культуры толерантности в российском обществе;
- отождествление национальных интересов с государственными при их фактическом несовпадении;
- усиление процессов атомизации, поиска отдельными индивидами и социальными группами альтернативных, порой маргинальных, социокультурных ориентиров, ценностей, жизненных моделей;
- проникновение ценностей массовой культуры в пространство социализации детей и юношества при вытеснении локальных культурных ценностей [3, 111; 4, 193; 12, 590].

Следует также отметить, что задача формирования политики сохранения национальной культурной идентичности для России решается «потерянным поколением», социализация которого осуществлялась в момент социокультурного излома. Для представителей этого поколения кризис идентичности и ценностный вакуум уже во многом является своего рода нормой жизни [4, 195]. В столь сложной ситуации проблема культурной идентичности российского общества встает особенно остро. Поэтому вполне объяснимо, что политика государства по выработке модели сохранения идентичности в открытом мире сегодня не является сформированной и определенной. В то же время российское общество и государство не в полной мере отдают себе отчет в необходимости формирования такого рода модели.

При существовании проблемы социокультурной идентичности на общенациональном уровне, при необходимости разработки единых государственных подходов к ее решению, каждый из

социокультурных субъектов процесса глобализации вынужден сам разрабатывать стратегию ответов на социокультурные вызовы, продумывать модели сохранения культурной идентичности, одновременно формируя навыки глобального диалога [9, 160].

Так, для современного российского гражданина проблема трансляции социокультурной идентичности детям имеет абсолютно конкретные повседневные выражения. Репертуар российских кинотеатров на три четверти состоит из продукции американской киноиндустрии, телевидение все в большей степени является инструментом трансляции универсальных ценностей глобализма и космополитизма, а иностранные языки, знание которых стало необходимым условием социализации в глобальном мире, преподаются в детских дошкольных образовательных учреждениях.

В идеале, человек в глобальном мире, отличительной чертой которого являются динамизм и неустойчивость, должен стремиться к открытости личностного пространства для диалога. С другой стороны, поскольку границы личностного пространства непрерывно нарушаются разного рода коммуникациями: маркетинговыми, межличностными, сетевыми, он вынужден защищать свою самость от любых посягательств извне. Однако в реальном мире граждане, вовлеченные в навязанный им диалог, принужденные государством или работодателем к изучению иностранного языка, лишены возможности воспитывать детей в том социокультурном контексте, в котором воспитывались сами, – либо ассимилируются в предлагаемый – глобальный (порой – виртуальный) социокультурный контекст, либо обособливаются. В первом случае получает распространение глобальный космополитизм, основным проводником которого является сеть Интернет, во втором – глобальная маргинализация, при которой, будучи оторванными волной глобализации от культурных корней, граждане «смещаются» на периферию социальной группы и государства как сообщества граждан и социокультурного образования.

Таким образом, проблема культурной идентичности, имея общенациональное измерение и понимаемая чаще всего как проблема сохранения культурных границ наций, этносов и государств в социокультурном контексте глобализации, наиболее остро проявляется не на национальном, а на личностном, человеческом уровне. Однако

ощутимая помощь человеку в ее разрешении может быть оказана именно государством, определяющим параметры соответствующей политики.

Причем на уровне государства проблема национальной идентичности должна рассматриваться, прежде всего, в гуманистическом измерении, с ориентацией на осознание того, с какими ценностями и моделями поведения самоидентифицироваться, как некомфортно чувствует себя личность в глобальном неустойчивом мире, в пространстве ценностного вакуума, в состоянии навязываемого масс-медиа выбора. И именно это – гуманистическое – измерение должно определять пути формирования пространства культурной политики, а также постановку смежных проблем. Например, в качестве смежной и вторичной будет выступать проблема того, какие модели будут избраны российским гражданином в качестве образца действия, в том числе действия политического в глобальном мире? Если на первом плане окажется проблема национально-государственной идентичности, то государственная культурная политика будет иметь крен в сторону национал-патриотизма или даже национал-шовинизма.

Следует также понимать следующее. Если для общества проблема идентичности – это часто проблема единовременного выбора, осуществляемого в так называемые «переломные моменты развития», для государства – этап подготовки к парламентским или президентским выборам, то личность, особенно в динамичном глобализирующемся мире, находится в непрерывном процессе самоидентификации, в ходе которого человек узнает себя, конструирует и меняет жизненные смыслы, переоценивает ценности, приспособливает их к внешнему многоликому миру. Человек практически непрерывно на уровне повседневного опыта вынужден делать экзистенциальный выбор, и результат этого выбора порой является итогом его самоидентификации.

Исходя из вышеизложенного, «ощутимая помощь человеку» в процессах, осложненных глобализацией социокультурной идентификации и социализации, может и должна состоять в активизации той части культурной политики государства, которая нацелена на охрану культурного наследия.

В глобальном мире такие ключевые факторы, как система ценностей общества, представления об «идеальном» и «нормальном для этого общества» человеке, о его роли в обществе, природ-

но-культурная среда, в которой живет человек, в которой формируется его личность, – в своем единстве и взаимосвязи оказывают влияние на характер и степень культурной идентификации личности. Особенно велика роль первичных элементов идентификации, т. е. тех устойчивых элементов культурных моделей, которые обычно называются традиционалистскими. Причем все эти компоненты заложены в объектах культурного наследия. Пребывание в «унаследованной» от предков культурной среде обеспечивает «приобщение к истокам», декодификацию заложенных в памятниках культуры историко-этнических, культурных, этических, эстетических смыслов и символов, усвоение местных, локальных традиций и культурных особенностей. Все это выступает в качестве совокупности ключевых условий индивидуальной и групповой идентификации, формирования неприкосновенных границ устойчивости индивида и группы в пространстве глобальных коммуникаций. Напротив, как справедливо отмечает Д.К. Танатова, «человек, который утратил свои культурные корни, «теряется» в социокультурном пространстве, не может сформулировать внутренние правила, которые регулируют и упорядочивают его стремления, жизненные стратегии, целевые установки» [9, 154].

На наш взгляд, государство должно полностью отказаться от так называемого «памятникового подхода» к объектам культурного наследия, в рамках которого они понимаются как переходящее от поколения к поколению *имущество*, обладающее определенной ценностью. Культурное наследие следует понимать прежде всего как среду, «пространство бытия», насыщенное символическим, историческим, эстетическим, этическим содержанием, в активном взаимодействии с которой субъект обретает модели и коды самоидентификации. При таком понимании «пространство жизни», насыщенное культурным наследием, образует для человека ту картину мира, систему координат, которые определяют для него систему представлений о мире, о себе, своих действиях. Их формирование является условием самоидентификации человека в пространстве культуры, его самоотождествление с определенной социокультурной нишей.

При таком подходе снимается оппозиция «памятник-подлинник» и памятник-символ», поскольку «и памятник-подлинник, и памятник-символ в равной степени являются хотя и разными, но символами, или знаками. Памятник-под-

линник – это знак мнемонический, знак и символ прошлого события в истории. При этом связь между знаком и предметом – мнемоническая, пространственно-временная. Памятник-подлинник соотносится с реальным историческим событием как часть с целым, это осколок исторического события во времени и пространстве. Рукотворный памятник – знак метафорический. Между таким памятником и историческим событием устанавливается метафорическая связь, создается образ реального исторического события, которому этот памятник посвящен» [2, 185].

Очевидно, что на уровне личности причастность к корням очень важна еще и потому, что соразмерна масштабам индивида. Только будучи уверенным в том, что он пребывает на борту локальной культуры, человек чувствует себя достаточно комфортно в глобальном океане мультикультурности и проявляет готовность к открытому диалогу с субъектами других культур и пребыванию в ином социокультурном пространстве [5, 211].

Таким образом, противоречия глобального мира концентрируются вокруг проблемы существования человека в условиях неустойчивого социокультурного пространства. При этом особенно важным в процессе самоидентификации человека становится приобщение к пространству локальной культуры, которая сохраняет свою продуктивную силу в процессе культурной идентификации индивида. Посредством адаптационных ресурсов культурного наследия устраняется излишняя «нестабильность» человека в новых условиях, создаются условия для освоения им иных культурных практик и поведенческих моделей. Как справедливо отмечает Холкина М.М., «если в культурном сознании наличествует представление (от интуитивного до эмпирического уровня) о мире как системе, то все, что связано с культурным самоопределением личности, процессами разновременных и разнонаправленных идентификационных фиксаций, будет оформляться в социокультурно-деятельностную самоидентификацию, определяющую для личности, поддержание какой части системы она может обеспечивать» [11].

С точки зрения рассматриваемой проблемы, важным является также следующее обстоятельство. Для каждого из субъектов, которые вовлечены в процесс глобализации (индивидов, религиозных общин, этнических групп и т. д.) существуют вполне определенные границы культу-

ры, которые значительно уже общенациональных границ. Для большинства россиян пространство социокультурной идентификации ограничено городом, республикой, а поиски «глобального компромисса» осуществляются в локальном, не общенациональном пространстве. Так, Э. Брандман указывает, что «с миром в целом или континентом отождествляют себя около 10% населения планеты, в то же время со страной – около 30%, большинство же людей «привязывает» свою идентичность к городу, району, в западных странах – провинции. То есть, являясь частицей глобального мира, человек живет в привычном для человеческого сознания локальном измерении» [1, 120]. В рамках этих локальных процессов граждане сами определяют и защищают границы своей социокультурной самости и самостоятельно учатся культуре толерантности. Иными словами, границы взаимопроникновения и взаимодействия определяются носителями идентичности, и государство может навязать их извне и, тем более, сверху. Однако оно может обеспечить сохранение локальных пространств, насыщенных значимыми для индивидов культурными кодами, смыслами и символами.

Эта задача становится вполне конкретной еще и в свете того, что объекты культурного наследия по своей природе не глобальны и изначально являются ценностями локальных культур. Нельзя найти повесть или картину, которую можно было бы определить как живописное полотно, созданное в пространстве «глобальной культуры»: каждая из них неизбежно «маркируется» какой-либо локальной культурой, так как написана человеком определенной этнической принадлежности в определенном социокультурном контексте. Соответственно, локальные ориентиры, в первую очередь, задают координаты позиционирования индивида в глобальном мире. Соответственно, поддержание и развитие культурного своеобразия и многообразия «локальных пространств» является необходимым условием сохранения и личностной, и национальной идентичности в контексте глобализации.

Более того, информатизация, модернизация, глобализация актуализируют, «подогревают интерес» самих граждан к ценностям локальных культур. Для многих людей вызовы глобализации становятся предпосылками для стремления к сохранению собственной социокультурной идентичности. Эта закономерность объясняет, почему эскалация глобальных ценностей в не-

которых случаях сопровождается возрождением локальных культур и стилей жизни. В глобализации социокультурного пространства диалектическая взаимосвязь стремления к единству при сохранении и даже развитии своеобразия подтверждается и авторами Всемирного доклада по культуре. Они называют «одним из парадоксов глобализации тот факт, что и местные особенности сегодня подчеркиваются более, чем когда-либо», а «культурные взаимопроникновения вызывают многочисленные трансформации и рост новых «местных культур» [8, 254].

Таким образом, существуют и глобальные объективные предпосылки для выработки целостно-системных государственных подходов к политике охраны культурного наследия в России. С ее помощью общество сможет оказать каждому гражданину помощь в осуществлении культурной самоидентификации, а российское общество в целом будет ближе к осуществлению максимальной свободы в творении своей неповторимой культуры в глобальном социокультурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брандман Э.М. Глобализация: социокультурное измерение образовательного пространства. М.: Изд-во ГПИБ России, 2005. 165 с.
2. Галкова О.В. Понятие «Памятник культуры»: современные подходы в интерпретации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. N 2. С. 182-187.
3. Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 100-114.
4. Заславская, Т.И. Проблемы развития социальной структуры российского общества // Безопасность Евразии. 2004. № 3. С. 184-202.
5. Лескова И.В. Социокультурная идентичность: теоретические и прикладные аспекты // Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 203-213.
6. Малахов В.С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002. С. 48-60.
7. Нидерланды решили отказаться от мультикультурализма // Взгляд. Деловая газета. 2011. 17 июня
8. Стай А. Общественное мнение и всеобщая этика: описательное исследование данных обследований. Всемирный доклад по культуре 1998. Культура, творчество и рынок. М., 2001. С.252-277.

9. Танатова Д.К. Антропологический подход в социологии. М.: Дашков и К, 2004. 210 с.
10. Толстых В. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Горбачев М. С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., 2003. 592 с.
11. Холкина М.М. Несколько заметок по вопросу социокультурной идентичности [Электронный ресурс] // Институт системных исследований и координации социальных процессов [сайт]. [2008]. URL: http://www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (дата обращения: 23.08.2011).
12. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Психология самосознания. Хрестоматия. Самара: СГУ, 2003. С. 586-604.
13. Radtke F.-O. Multikulturalismus - Regression in die Moderne? - Fluchtpunkt Europa. Migration und Multikultur. Hrsg. von Martina Fischer. Fr.a.M.,1998, S.138-157.

УДК 32.001

Связова А.В.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ “НОВЫХ МИГРАНТОВ” НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

A. Sviyazova

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

POLITICAL AND LEGAL REGULATION OF THE PROCESS OF SOCIAL ADAPTATION OF “NEW MIGRANTS” AT THE REGIONAL LEVEL

Аннотация. Статья посвящена изучению политического и правового регулирования процесса социальной адаптации “новых мигрантов” на территории Самарской области. Автор изучает три системы, деятельность которых способствует социальной адаптации “новых мигрантов” в местном сообществе: нормативно-правовую, систему трудоустройства и систему социальной защиты. Именно эти механизмы обеспечивают (социальная защита – должна обеспечивать) базовые, основные потребности “новых мигрантов” в социальной адаптации, поэтому их можно квалифицировать как основные механизмы социальной адаптации.

Ключевые слова: “новые мигранты”, социальная адаптация, структурная модель, нормативно-правовая система, система трудоустройства, система социальной защиты.

Abstract. The article focuses on the political and legal regulations of the process of social adaptation of “new migrants” on the territory of the Samara region. The author examines three systems which promote social adaptation of “new migrants” in the local community: the standard-legal system and the systems of employment and social protection. These mechanisms provide (social protection – should provide) for the basic needs of social adaptation of “new migrants”, therefore it is possible to qualify them as basic mechanisms of social adaptation.

Key words: “new migrants”, social adaptation, structural model, standard-legal system, employment system, social protection system.

В современном российском обществе отмечаются социальное напряжение и мигрантофобия, обусловленные устойчивым ростом внешней, инокультурной миграции. В связи с этим все более актуальной политической и научной проблемой становится социальная адаптация культурно отличимых мигрантов. Эту группу мигрантов мы предлагаем обозначать термином “новые мигранты”. В